

ском значении культа Бориса и Глеба. Они помогают князьям «държавно» побеждать противников, они «земля Русьскыя забрала и утвержение и меча обоюду остра, имаже дързость поганьскую низълагаем». Они помогают своему отечеству, как Димитрий Солунский; однако он был покровителем одного города, а Борис и Глеб «всеи земли Русьскеи». Поэтому и Вышгород, где лежат их останки, превыше всех городов, это «второй Селунь явися в Русьске земли». Эта явно антигреческая нота поддержана затем в финале «Сказания о чудесах» значительной фразой об изумлении греков роскошью и красотой кивория, созданного Мономахом над гробницами князей. Патриотический пафос и мысль о первородстве Русской земли, выраженные в похвале, близко напоминают «Слово» Илариона, но в «Сказании» они выражены проще и агитационно выразительнее. Культ Бориса и Глеба выступает как культ общерусский, они заступники против «поганных» половцев, они — на стороне «държавных» князей. Эти новые аспекты культа имели исключительную политическую актуальность в пору княжения Владимира Мономаха. Он стремился удержать под своей державной рукой распадавшееся и дробившееся Русское государство, вел энергичную борьбу с кочевой степью. Его политика оказывалась под верховным покровительством святых предков. Все эти патриотические идеи «Сказания» были близки народу и включали культ Бориса и Глеба в арсенал идеологических средств борьбы за независимость Русской земли с «погаными» степняками и за сохранение ее сил, тратившихся в усобицах.

Но в той же похвале в «Сказании» с полной ясностью раскрыта и обратная, феодальная сторона культа: Борис и Глеб — заступники господствующего класса, молитвенники за его страшные грехи. Стоит вслушаться в слова молитвы, обращенной к святым князьям: «не забывайте отечества... пусть не придет на нас зло... пусть не придет на нас нога гордыни и рука грешников не погубит нас, и пусть всякая пагуба не найдет на нас. Далеко отгоните от нас голод и озлобление и избавьте нас от бранного меча и сделайте усобицы нам чуждыми. И от всякого греха и нападения заступите... так как мы очень согрешили и совершили прेमного беззаконий и слишком, сверх меры безчинствовали... Только надеясь на ваши молитвы, мы вопием к спасу... Хотя мы совершали беззакония, но сделай нам послабление... оправдай как сборщика мыта... и скупи нас от наступающего зла и дай нам время для покаяния, так как многочисленны наши беззакония перед тобой, господи... не сделай нас посмещищем...». В свете рассмотренных выше рассказов о чудесах с их ярко выраженной темой беззакония и справедливости приведенные молебны никак нельзя осмысливать в плане общих понятий о грехе и возмездии. Здесь речь идет о конкретных преступлениях господствующего класса и его страхе перед мстительной «рукой грешников» и «наступающих злом». Эта молитва-обличение может быть сопоставлена с грозным обличительным пафосом рассказа Лазаря об узниках. Оба текста поражают гневной силой, с какой бичуются пороки кровавого и бесчеловечного феодального мира.

Сопоставление похвалы в «Чтении» и в «Сказании» твдательствует о необычайном развитии и расширении идейно-политического значения культа Бориса и Глеба в период между восстаниями 1068—1069 гг. и киевским восстанием 1113 г., в период усилившегося натиска на Русь степняков. Функции святых князей усложняются — они теперь не столько целители недугов, сколько небесные воины, обороняющие Русскую землю от врагов, и верховные патроны «държавных» князей, молитвенники перед богом об оправдании страшных преступлений феодалов и установлении в стране гражданского мира.